

Йенс Херлт и русская литература на четырех языках | Jens Herlth et la littérature russe en quatre langues

Auteur: Ольга Юркина, [Фрибург](#), 16.11.2011.

Профессор Йенс Херлт в библиотеке кафедры славистики Фрибургского университета (NashaGazeta.ch)

Заведующий старейшей кафедрой славистики в Швейцарии рассказал об особенностях преподавания в двуязычном университете, поэтическом самотворчестве Иосифа Бродского, теснейших связях Фрибурга со славянской культурой и некоторых других интригующих вещах, как Институт исследования коммунизма.

|

Le titulaire de la plus ancienne chaire des langues et littératures slaves en Suisse, le professeur Jens Herlth nous a parlé des spécificités d'enseignement dans une université bilingue, de sa thèse sur Iosif Brodskij, des liens étroits entre Fribourg et l'Europe de l'Est et des choses bien intrigantes, comme l'Institut des recherches du communisme...
Jens Herlth et la littérature russe en quatre langues

Возможность познакомиться с Йенсом Херльтом представилась «Нашей Газете.ch» в начале года, когда в редакцию поступила информация о создании первого русского культурного центра Швейцарии на базе кафедры славистики Фрибургского университета. Проект, финансируемый фондом «Русский мир», постепенно начинает приобретать конкретные черты. В одном из залов библиотеки, где в будущем расположится культурный центр, мы и встретились с профессором Херльтом, заведующим старейшей кафедрой славистики в Швейцарии, специалистом по польской и русской литературам и автором необычной докторской диссертации об Иосифе Бродском.

Наша Газета: Западному русисту невозможно не задать традиционный вопрос: почему славистика?

Йенс Херльт: Я всегда увлекался литературой, в школе открыл для себя Толстого и Достоевского, которые поразили меня своей силой. Так проснулся интерес к русской и славянской культуре в целом. В маленьком городке немецкой земли Вестфалии, где я родился, в школе можно было выбрать русский язык как факультативный предмет. Так мне довелось впервые съездить в Россию в рамках обмена, открыть для себя Великий Новгород. Точнее, тогда, в 1990 году, я застал еще Советский союз. Общение на русском с живыми людьми сразу повысило интерес и мотивацию. После альтернативной гражданской службы для меня было очевидно: мое призвание – Россия и литература, и я поступил в Кельнский университет на славистику.

А что привело немецкого ученого во Фрибург?

После диплома и кандидатской об Иосифе Бродском, чтобы расширить профиль, я защитил докторскую диссертацию по польской литературе XIX века. Меня всегда увлекали соотношения между литературой и философией, культурологический, исторический подтекст художественных произведений и роль литературы в

осознании современности. Когда во Фрибурге открылся конкурс на место профессора польской и русской литератур, я понял, что оно подходит мне по всем параметрам и квалификациям, а самое главное, позволило бы использовать в работе одновременно все любимые языки, а заодно вспомнить французский, который я учил в школе. Отбор был очень строгий, но в итоге меня пригласили читать лекции.

Как на практике проходят занятия в двуязычном университете? Неужели на французском и немецком одновременно?

На самом деле, все еще сложнее. У нашей кафедры славистики во Фрибурге общая программа с университетом Берна. Мой коллега-славист в Бернском университете занимается средневековой русской литературой и лингвистикой, а я – литературой XIX-XX веков и литературоведением. Разделены компетенции и по другим славянским языкам: у нас изучают польский, в Берне – сербский, боснийский и хорватский. Во всех областях мы взаимно дополняем друг друга, а наши студенты путешествуют между Берном и Фрибургом. Признаюсь, составить совместное расписание между двумя городами – отдельная наука. Не всегда плавно проходит и пересечение языкового барьера, знаменитого Рёштиграбен. Поэтому на семинарах и лекциях мы пытаемся учитывать индивидуальные языковые проблемы студентов, переходим с немецкого на французский, иногда и к помощи английского прибегаем.

А как же русский?

Йенс Херльт: Вот, в этом вся проблема. Дело в том, что 80% швейцарских студентов начинают изучать русский язык в университете практически с нуля. На начальных курсах они еще не владеют языком до такой степени, чтобы слушать лекции или понимать цитаты классиков в оригинале. Поэтому все свои лекции я сопровождаю презентациями на двух языках и русскими цитатами с переводами. В устных объяснениях перехожу с французского на немецкий во имя равноправия, при этом стараюсь не повторяться, потому что студенты прекрасно понимают на обоих языках. Работать в двойственной языковой среде безумно интересно, тем более что меня всегда притягивали регионы, где происходит взаимодействие разных культур и языков – славянские страны, родившиеся на разломе империй. Двуязычность – богатство Фрибурга, но богатство непростое, его нужно оберегать и лелеять.

Чем больше всего интересуются современные студенты-слависты на Западе?

Современностью и громкими именами – Достоевским, Толстым, Пушкиным, Гончаровым. Швейцарские студенты выбирают славистику исключительно из

личного, глубокого интереса, у них редко есть русские корни. Классики их притягивают, потому что нередко именно эти книги побудили их заниматься славистикой. Здесь снова возникает проблема языка: на первых курсах приходится читать то, что существует в переводах. А ведь не все интересные тексты переведены. Иногда для своих лекций я сам перевожу наиболее яркие отрывки, например, из романов Бориса Поплавского, писателя русской эмиграции, которого очень ценю. С лирикой приходится нелегко: например, некоторые малоизвестные тексты Бродского не переведены, а из них порой явствует больше, чем из бесспорных шедевров. Во многих случаях маргинальные тексты представляют больший интерес, чем известные. Но я не люблю навязывать другим свой выбор литературы, поэтому сразу говорю моим студентам: учите быстрее русский, чтобы самостоятельно выбирать.

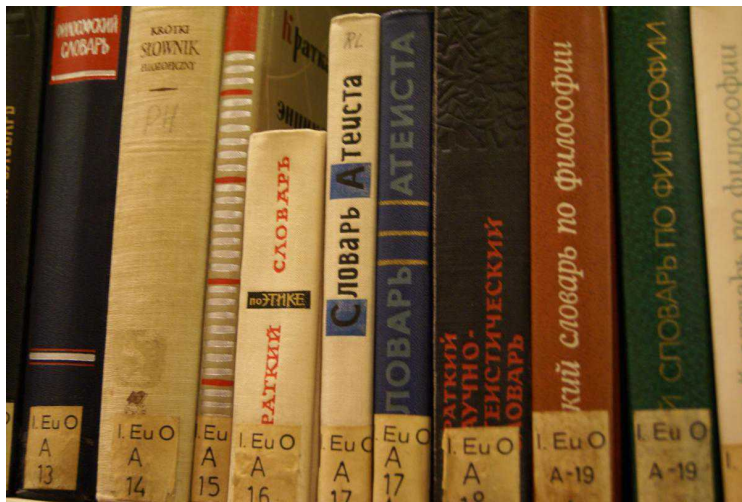
А выбор в библиотеке кафедры славистики, судя по книжным полкам, большой...

Дело в том, что Фрибург был первым университетом, где появилась отдельная кафедра славистики. В противовес Бернскому, Лозаннскому или Женевскому «протестантским» университетам Фрибургский сразу заявил себя как католический. Поэтому первым руководителем кафедры славистики стал польский профессор. Так здесь постепенно оказался подбор произведений и работ по польской литературе. А после Второй мировой войны на нашей кафедре даже был открыт Институт исследований коммунизма – ученым польского происхождения Юзефом Бохеньским. Не потому, что он был большим поклонником СССР, совсем наоборот: он хотел изучать коммунизм из философского интереса, чтобы знать врага в лицо. Так в нашу библиотеку попало множество литературы по марксизму и ленизму, вся Советская энциклопедия, книги по советской педагогике, и такие авторы, как Герцен, Чернышевский, Белинский, Добролюбов.

К слову, сейчас интерес к коммунизму как к философии снова растет: видимо, прошло достаточно времени, чтобы посмотреть на него со стороны и осмыслить его место в истории. Вместе со мной работает большой специалист по русской и советской философии Эдвард Свидерский. В принципе наша кафедра славистики не ограничивается изучением литературы и культуры, мы сотрудничаем с кафедрами философии и социальных наук, у нас хорошие отношения с Институтом экуменических исследований, богословским факультетом, мы участвуем в междисциплинарной программе Исследований Восточной Европы.

В каком ракурсе на Западе изучают сегодня Восточную Европу?

Это междисциплинарная программа, объединяющая историю, литературу, антропологию, философию, политологию. Но на самом деле, споры вызывает даже название: можно ли говорить сегодня о Восточной Европе? Не завершилась ли трансформация? Уверю вас, поляки не очень рады слышать о том, что их относят к восточной части Европы. Для нас, литературоведов, парадигма трансформации очевидна, но мы усматриваем преемственные связи с предыдущими эпохами. Страны Восточной Европы исторически связаны, и проблемы, возникающие в них сегодня, как не совсем укрепившаяся демократия, излишняя бюрократия, - сопоставимы. К тому же связь славянских культур ощутима и очевидна на самых разных уровнях: с такой философско-исторической точки зрения мы и рассматриваем понятие Восточная Европа. Но сразу пытаемся объяснить эту точку зрения студентам, чтобы избежать недоразумений.

Вопрос, который часто мучает филологов: в чем смысл литературоведения сегодня, за исключением чисто исследовательского интереса?

Смысл - в расширении собственного кругозора, классическая и современная литературы помогают лучше понять то, что происходит вокруг, проникнуть в проблемы культуры. На наших курсах мы стараемся не оставаться в рамках изучения классики или современности, но проводить глубокие параллели. Например, говоря о литературной истории Города N., я обратился и к современной интерпретации классического топоса русской литературы - песне «Уездный город N.» Майка Науменко, лидера легендарной советской рок-группы «Зоопарк». Еще один интересный и малоисследованный сюжет - средства создания собственного литературного образа у русских поэтов. Мы знаем, что Фредди Меркьюри свои выходы на сцену каждый раз превращал в шоу и эпатировал зал. Но ведь и Маяковский со своей легендарной желтой кофтой, и Есенин в крестьянских лаптях пользовались определенными «медиумами» для создания своего образа. Да что говорить, даже Пушкин заботился о собственном восприятии в глазах публики, достаточно взглянуть на портреты, где он намеренно предстает в образе романтика-Байрона. Конечно, на все эти мысли о самотворчестве поэта меня навел Бродский.

**Давайте, наконец, поговорим о Бродском, герое
Вашей диссертации.**

Бродский – это громкое имя, прекрасные стихи. Я еще застал его живым, даже достал билет на концерт, но он так и не смог приехать на гастроли из-за болезни. То, что заинтересовало меня в его творчестве – как он сотворил свою легенду. Отсюда и название моей диссертации – «Поэтическое самотворчество Бродского». Сначала – перелом в раннем творчестве, формы «самопредставления», аллюзии имени. Отдельную часть я посвятил поэту в пространстве, внешнем и внутреннем: его путешествиям и отношению к собственному телу. Известно, что Бродский пережил открытую операцию на сердце, и его самоощущения нашли отражение в поэзии. Наконец, можно говорить о его восприятии-осмыслении собственного творчества, стихотворениях в жанре «Памятника», отсылающих к Пушкину и Горацию, – в каком-то смысле, это его путь к созданию собственного бессмертия.

Чтобы завершить на поэтической ноте, мы попросили Йенса Херльта поделиться одним из его любимых стихотворений Бродского с читателями.

*Ноябрьским днем, когда защищены
от ветра только голые деревья,
а все необнаженное дрожит,
я медленно бреду вдоль колоннады
дворца, чьи стекла чествуют закат
и голубей, слетевшихся гурьбою
к заполненным окурками весам
слепой богини.*

*Старые часы
показывают правильное время.
Вода бурлит, и облака над парком
не знают толком что им предпринять,
и пропускают по ошибке солнце.*

1967

Всем поклонникам русского языка и литературы сообщаем, что с 17 по 19 ноября во Фрибургском университете проходят [Дни Восточной Европы](#). В четверг, 17 ноября, гостем кафедры славистики станет Владимир Сорокин: писатель представит свой новый роман и ответит на вопросы читателей. Ведущие конференции - профессора Йенс Херльт и Эдвард Свидерский. Адрес: Фрибургский университет, кампус [Miséricorde](#), аудитория А.

[Иосиф Бродский](#)

[литература швейцария](#)

[швейцарская литература](#)

Статьи по теме

[Во Фрибурге откроется первый русский культурный центр Швейцарии](#)

[Во Фрибурге прозвучали блатные песни из Одессы](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/yens-herlt-i-russkaya-literatura-na-chet-yreh-yazykah>